Смертельный поцелуй

Автор:
Анна Дубчак

Смертельный поцелуй

Анна Дубчак

Ясновидящая

Дар ясновидения – великий дар.

Видеть совершающееся преступление – дар еще и опасный, и молоденькая учительница музыки прекрасно об этом знает, – но все равно снова и снова впутывается в расследования краж, похищений, убийств.

Ее новое дело кажется кошмаром, воплотившимся в явь. В самом деле, – кому понадобилось не просто убивать жену и молоденькую дочь солидного бизнесмена, но и зверски калечить их тела?

И, что самое странное, – зачем совершать это чудовищное преступление в библиотеке?

Убийца словно пытается что-то сказать, но что именно – Наталья пока не понимает.

Ее единственная, слабая зацепка – странные книги, которые в последние дни брали в библиотеке жертвы…

Анна Дубчак

Смертельный поцелуй

Глава 1

УБИЙСТВО В БИБЛИОТЕКЕ

Он проснулся и долго не решался открыть глаза. Он боялся увидеть, что ее больше нет. Но и лежать долго с закрытыми глазами тоже оказалось нелегким делом: он еще вчера вечером принял решение, а потому, пока он не передумал, надо было действовать…

Он вдруг представил себя слепым. Говорят, что у слепых обостряются обоняние и осязание. Он вздохнул полной грудью, и тотчас у него на глазах выступили слезы… Да, это был едва ощутимый запах ее духов. Словно ее голова лежала рядом, как раньше. Но он знал, что стоит ему открыть глаза, и он увидит лишь пустую подушку, подло хранящую ее запахи и, быть может, даже ее тепло. Хотя вряд ли… Ведь прошла целая неделя, как ее больше нет. А она сама и не подозревает, что ее нет, она точно так же, как и раньше, спит подолгу в постели, нежится, изгибаясь всем телом под одеялом, и постанывает от сладостных ощущений пробуждения. Затем она подходит к зеркалу и подолгу смотрит на себя… А потом наверняка выпивает чашку кофе с молоком, выкуривает сигарету и возвращается в постель. Но уже к другому мужчине…

Он все же открыл глаза, и от вида нетронутости ее постели на него накатила волна дурноты.

Однако он смог взять себя в руки: побрился, принял контрастный душ, надел чистое белье, новый черный костюм-тройку с бабочкой, уложил волосы с помощью геля, подушился, распахнул окно и прыгнул вниз. Сосед по балкону, поливавший в это время герань, от неожиданности уронил свою лейку. С высоты девятого этажа она показалась ему красной точкой возле большой черной кляксы безжизненного тела…

Мартовское солнце было обманчивым. Это в теплой квартире ей казалось, что на улице наконец-то бушует весна и что до библиотеки можно будет добежать в

чем мать родила. Но даже в длинном, до пят, пальто, да еще и с поднятым воротником, Наталия замерзла… В вестибюле библиотеки она с удовлетворением отметила, что молодой человек, который и вчера работал на ксероксе, улыбнулся, увидев ее в дверях: она обещала ему, что придет утром с большим заказом.

Справа за столом сидела строгая женщина в очках, раздававшая всем крохотные листочки, куда надо было вписать свою фамилию, а уходя из библиотеки, непременно вернуть… Процедура непонятная, но все постоянные читатели выполняли ее скорее автоматически, чем осмысленно, и все это напоминало если не таинство, то уж поход в общественный туалет точно. Там тоже раздавали приблизительно такие же клочки бумаги. Наталия всегда иронизировала по этому поводу и при каждом удобном случае спрашивала женщину в очках (они хоть и менялись время от времени, но были почему-то потрясающе похожи друг на друга: неопределенный возраст, белая блузка, строгий взгляд и блеск очков): «А что мне делать с этим листочком?» На что получала неизменный ответ: «Вам там скажут».

Слева от строгой женщины в очках стоял стол, на котором шелестел, работая, копировальный аппарат с кислым названием ксерокс. Молодой человек, лет двадцати пяти (если судить по взгляду) или шестнадцати (если принимать во внимание его румянец и нежную кожу), увлеченно выполнял заученные движения: делал ксерокопии документов и прочего бумажного творчества, включая газетные статьи, и при этом, казалось, совершенно не замечал окружавших его девушек-заказчиц. Спокойно отсчитывал сдачу и продолжал работать. И только с Наталией у него этот номер не прошел: он взглянул на нее и улыбнулся. Хотя и в ответ на ее улыбку.

– У вас много работы?

(Разговор происходил днем раньше.)

– Когда как.

– А можно с вечера занять очередь? Терпеть не могу ждать. Вы сделаете на мне много денег, за это ручаюсь. В одиннадцать вас устроит?

– Устроит.

Он был в красном джемпере и черных брюках. Светлые волосы, серые глаза, красивые тонкие губы, впалые щеки. Такие юноши нравятся всем женщинам без исключения.

– А как вас зовут? – спросила она, чтобы назавтра обратиться к нему по имени, это всегда располагает к общению.

– Олег.

– Прекрасно. А меня Наташа. Тогда до встречи.

– До встречи.

И вот теперь он, увидев ее, улыбнулся. Как все-таки приятно, когда тебе кто-нибудь улыбается.

– Доброе утро. – Она достала из кармана стодолларовую купюру и протянулаему.

– Не понял, – пожав плечами, проговорил слегка ошалевший Олег и широко раскрыл глаза. – Что это?

– Мне надо сделать как можно больше таких вот долларов… Понимаете, я работаю в молодежном театре, и по сюжету спектакля в последнем акте главный герой разбрасывает доллары по сцене.

– Но ведь у меня же черно-белый ксерокс…

– Но ведь это же театр. Все будет нормально, никто ничего не заметит. Все будут увлечены действием.

– А что это за театр?

– «Арлекин». Что в Доме архитектора…

– Значит, вам нужно, чтобы это были двусторонние копии?

– Да нет, это невозможно, я же понимаю…

– Смотря как разложить. Я постараюсь… И много?

В ответ Наталия достала еще одну стодолларовую купюру:

– На все.

Она смотрела, как работает Олег, и от мелькания его рук и листов бумаги ее потянуло в сон. Она сидела рядом с ним в кресле и вспоминала Логинова, который попросил ее сделать долларовую «куклу» «для дела». «Тоже мне, нашел девочку на побегушках…» Но когда она увидела Олега, досада на Логинова за то, что он ей поручает такие мелкие и ничтожные дела, прошла… Ей понравился этот нежный мальчик в красном джемпере. К тому же была весна, а флирт весной – как ваниль в креме.

После событий в Вязовке, когда с помощью Наталии удалось разоблачить доктора Ошерова, терроризировавшего женское население этой глухой деревни с помощью своих пауков, в ее жизни наступило некоторое затишье. Даже Сара, поставлявшая ей клиентов, куда-то пропала, наверное, укатила к сестре в Израиль. Одна радость, правда, посетила ее, хотя и в облике директора птицефабрики Ванеева: он принес ей деньги – плату за работу. Ведь Наталия нашла убийцу его жены Ларисы. И все же история, произошедшая в Вязовке, отняла у нее сразу двух близких людей: Люсю Романову, которую отравил Ошеров, и Жестянщика, ее любовника, в котором она разочаровалась, застав его вместе с Люсей… Но нет худа без добра: зато она поняла, что не потеряла свой дар. Видения посещали ее достаточно регулярно, а это означало возможность работать…

Она открыла глаза и хотела было уже извиниться перед Олегом за то, что уснула, как вдруг поняла, что что-то произошло. Строгой женщины в очках за столом не было, а лицо Олега выглядело растерянным. Когда же к разомлевшей от легкой дремы Наталии вернулся слух, она услышала истеричные крики, доносившиеся со стороны читального зала.

– Что случилось? – спросила она, поднимаясь и чувствуя, как от раздававшегося женского крика у нее на голове шевелятся волосы. – Кто-то умер?

– Да я и сам не знаю…

Они бросились на крики и, завернув за угол, застыли в нескольких шагах от столпившихся женщин. Это был центр всей библиотеки – отдел каталогов. Светло-коричневые, почти желтые деревянные шкафчики с выдвижными ящичками, тщательно пронумерованными и помеченными буквами и указателями, обрамляли прямоугольник коридора, в центре которого стояло четыре стола с коробочками, в которых лежали пачки чистых листочков, предназначенных для записи названия и шифра заказываемой книги.

Наталия протиснулась вперед и увидела сидящую на стуле бледную девушку с совершенно безумными глазами.

– Что случилось? – вопрошала пожилая женщина чрезвычайно интеллигентного вида в коричневом платье. – Милочка, почему вы так закричали?

Девушка подняла голову и посмотрела на один из шкафов.

– Там… – Она с трудом разлепила пересохшие от волнения губы. – Там… пальцы… синие пальцы…

– Да она сумасшедшая, – сказал кто-то.

– В каком шкафу, вы можете показать?

– Да… То есть нет… Вы… вы сами посмотрите… На букву «Т», где русская литература…

Женщина в коричневом платье подошла к каталогу и, увидев слегка выдвинутый ящичек с буквой «Т», взялась за крохотную шарообразную ручку и потянула ее на себя…

Какое-то время она смотрела внутрь ящичка, затем рухнула без чувств.

Мгновенно сориентировавшись, Наталия подбежала и тоже заглянула в ящичек. Но это был не паук. Сбоку от надетых на металлическую спицу картонных коричневатых карточек с шифрами и названиями книг она увидела

человеческую руку с посиневшими пальцами… Все карточки были вымазаны в крови, которая, превратившись в темно-красное желе, на одну десятую заполнила ящичек… Милиция, прибывшая спустя полчаса после вызова, обнаружила еще три таких же отрезанных руки. Это были кисти двух женщин: совсем молоденькой и постарше – с кольцами и маникюром… А еще через час в женском туалете в шкафу, где хранились ведра и щетки, обнаружили два женских трупа с отрезанными кистями. По словам библиотекарши абонементного зала, эти тела принадлежали матери и дочери Бартоломей, которых последний раз видели в библиотеке вчера вечером.

Библиотеку тотчас закрыли, посетителей вместе с Олегом выставили за двери, но потом, спохватившись, вернули его, чтобы допросить…

Наталия, оставшаяся на крыльце с пачкой долларовых ксерокопий в руках, дождалась приезда следователя прокуратуры Сергея Сапрыкина и помощника прокурора Арнольда Манджиняна и уже вместе с ними вернулась в библиотеку. И Сапрыкин, и Манджинян были друзьями прокурора города Логинова, с которым Наталия находилась в «гражданском браке» (как любил повторять Игорь) уже больше двух лет. Они с помощью дара Наталии раскрыли уже немало преступлений. То, что она оказалась в библиотеке именно в тот момент, когда там были обнаружены трупы, никого из них не удивило: это случалось довольно часто. Более того, теперь они уж точно могли рассчитывать на ее помощь, а потому она просто должна была присутствовать на месте преступления и «напитываться» информацией до предела.

Ирина Петровна, которая опознала трупы и которая вчера вечером обслуживала мать и дочь Бартоломей, сказала, что они являлись постоянными читателями библиотеки.

– Интеллигентных людей сразу видно. Они всегда хорошо одевались, умели поговорить на литературные темы и обе были начитанны. Мать, Анжелика Валерьевна, любила читать в основном французскую литературу: Бальзака, Золя, Мопассана…

– Кстати, одну ее руку нашли именно в ящике с французской литературой, а вторую – в русской классике, – шепнула Наталия на ухо Сапрыкину.

– … а дочка, Светлана, приходила сюда, как мне кажется, только чтобы набраться самых общих сведений, касающихся русской литературы и экономики… По-моему, в этом году она поступила в какой-то престижный экономический колледж или университет, точно не знаю… Она, в отличие от своей матери, была менее разговорчива, но чувствовалось, что слово матери для нее – закон. Создавалось такое впечатление, что мать поставила перед собой цель – воспитать дочь. Мне нередко приходилось слышать, как она советует ей прочитать, к примеру, Дейла Карнеги, Хемингуэя…

– Какая мешанина… – Арнольд Манджинян посмотрел на нее с недоверием. Они вчетвером: Арнольд, Сапрыкин, Наталия и Ирина Петровна – женщина лет сорока в розовом кашемировом платье и с большими голубыми глазами, сидели в кабинете заведующей библиотекой. – Карнеги и Хемингуэй… А какие книги они выбрали вчера, вы не помните?

– Как же, помню… Анжелика Валерьевна меня вчера вообще удивила. Ее заинтересовала книга Фарна «Жемчуг: натуральный, культивированный и имитации». И еще, сейчас вспомню, – она прикусила губу, – вот, «Золотые и серебряные изделия русских мастеров XVIII–XX веков».

– У вас хорошая память, – заметил Манджинян. – Я бы даже сказал, завидная память… А что взяла себе Светлана?

– «Воскресенье» Толстого и «Бесы» Достоевского.

– Прямо-таки джентльменский набор для девочки на выданье… Если не ошибаюсь, сейчас в библиотеках существует новая форма работы с читателями… У меня жена, к примеру, берет у вас коммерческие книги за деньги. Разные там детективы, женские романы… Увас даже очереди на эти книги. Так?

– Совершенно верно. Но Светлане, как мне показалось, ее мать категорически запрещала читать эту литературу. Понимаете, хоть это звучит и нелепо, но создавалось впечатление, что Анжелика Валерьевна вдруг спохватилась… Ведь все надо читать вовремя и более или менее системно… Ведь вы и сами заметили дикое сочетание того же Карнеги с Хемингуэем. Я вам больше скажу, она заставила дочь взять Рабле! А это совсем не простое чтение, особенно для такого возраста…

– Кстати, сколько ей лет?

– Вы можете узнать это из ее формуляра. Он у вас на столе.

– Да, действительно. Формуляр – какая полезная вещь… Значит, так… Светлана Владимировна Бартоломей, родилась 13 августа 1980 года. Ей, стало быть, семнадцать лет. Если вы говорите, что она учится в экономическом колледже, то это одно дело… Но если она учится в экономическом университете или, скорее всего, в академии, то это значит, что в прошлом году она закончила школу… А давно она записалась в вашу библиотеку?

– С полгода тому назад: я так думаю, что раньше для нее книги брала мать… Потому что наряду с Бальзаком она брала, к примеру, «Мертвые души» Гоголя и «Обломова» Гончарова…

– А Анжелика Валерьевна давно у вас записана?

– Больше двух лет… Но она раньше брала по одной-две книжки, а потом стала набирать по четыре-пять. Думаю, что она нигде не работает… Кроме того, она и в формуляре у нас числится как домохозяйка…

Манджинян переписал все необходимые следствию сведения, касающиеся возраста и адреса Бартоломей, и попросил дать ему на время формуляры.

– Быть может, нам покажется интересным и список прочитанной ими обеими литературы, – так объяснил он свою просьбу Ирине Петровне. – Тем более что эти формуляры им уже больше не потребуются…

Потом в кабинет начали вызывать и остальных работников библиотеки. Все женщины находились в подавленном состоянии. Многие из них, проходя мимо прикрытых снятыми впопыхах занавесками трупов, лежащих на перекрестке коридоров, были готовы упасть в обморок. И всем казалось невероятным, что такое могло произойти в столь тихом и спокойном месте, как библиотека. Все задавали себе один и тот же вопрос: кто убийца?

Приехала «скорая», тела погрузили на носилки и увезли. Доктор в белом халате сложил в целлофановые пакеты четыре отрезанные кисти и увез с собой. Увезли

даже четыре ящичка, в которых они были найдены. Поскольку все это произошло в одиннадцать часов, через час после открытия библиотеки, то и посетителей было мало, поэтому работников предупредили, чтобы они пока никому ничего не рассказывали «в интересах следствия». Хотя и понимали, конечно, что это маловероятно. Кроме того, те немногочисленные посетители, на глазах у которых нашли эти руки и трупы, уже давно гуляли по городу и распространяли страшную весть. Сапрыкин негодовал, обвиняя милицию в том, что они позволили выпустить людей, которых надо было тоже оставить для дачи показаний… Может, кто-то из них был в библиотеке и вчера вечером. Но заведующая библиотекой объяснила, что на всех сегодняшних посетителей были заведены временные карточки, те самые, по поводу которых всегда иронизировала Наталия. Однако тот факт, что на них значились фамилии читателей, во многом облегчал задачу…

Когда Наталия вышла в вестибюль, Олег уже убирал свой копировальный аппарат. Чувствовалось, что он расстроен: ведь библиотеку закрывали, а это означало, что работы не будет.

– Вы не расстраивайтесь так. Жалко, конечно, что не успели сделать столько, сколько мне было нужно, но я приду завтра утром и мы все допечатаем… Я вам обещаю…

– Да я и не особо расстроился… Хотя шеф, конечно, будет недоволен. Но вам понравилось то, что я успел сделать?

– Конечно. Дома я все разрежу. Думаю, отлично получится… Кстати, а вы-то знали этих Бартоломей?

– Видел, конечно… Я только не понял, как их убили?

– Задушили в туалете вчера вечером, – так сказал Сапрыкин (он определил время убийства по трупным пятнам, но это всего лишь предположение), – а потом отрезали кисти и распихали по ящичкам… Какое зверское убийство… Ну задушили и задушили, зачем было кисти-то отрезать… Ужасное зрелище… Эти синие пальцы, совсем как в магазине ужасов, что возле цирка… А вас, Олег, о чем-нибудь спрашивали?

– Так же, как и всех остальных… Но они не делали копий, и поэтому мне о них и сказать нечего… Хотя, если честно, мне до сих пор не по себе… Я же видел их только вчера… У нас тут, кстати, был вчера буфет… Видите стол в самом углу? Так вот, туда иногда привозят кофе в термосах и бутерброды. Маленький бизнес от кафе «Летнее», что за углом… Так вот, и мать, и дочь пили кофе и ели бутерброды… А можно вас спросить?

– Спрашивайте, конечно.

– Откуда вы всех знаете, и почему вас оставили здесь? Вы что, тоже из милиции?

– Нет, что вы. Я не из милиции. Я самый ленивый человек на свете. Просто я знакома со следователями лично, вот и все. Кроме того, я патологически любопытна. Мне, например, было бы ужасно интересно узнать, что вы предпочитаете, водку или какой-нибудь другой изысканный напиток… И вообще, мне было бы интересно посмотреть на вас пьяненького… – Она улыбнулась, а потом и вовсе расхохоталась. Но затем взяла себя в руки и состроила уморительно-серьезную мину. – Вы, Олег, не обращайте на меня внимания… Дело в том, что мне смертельно скучно. Поэтому то, что произошло здесь сегодня, взбодрило меня, я даже готова взяться за распутывание этого двойного убийства. Это же так интересно.

– Как это? – Он смотрел на нее с восхищением. – Разве может распутать такое серьезное преступление непрофессионал?

– Может. Но это я так…

– Вы замужем?

– Нет, представьте себе.

– Тогда я хотел бы пригласить вас куда-нибудь выпить. Заодно вы и посмотрели бы на меня, как вы выразились, «на пьяненького», и ваше любопытство было бы удовлетворено… Так как? У вас есть время и желание?

– Есть. Я согласна. Только мне надо зайти домой, занести эти доллары, надеть берет и взять ключи от машины… Вернее, нет, мы же собрались выпить, значит,

я буду без машины… Встречаемся через час на ступенях библиотеки, идет?

Глава 2

ДЖИН С ТОНИКОМ

– Соня, приготовь мне быстренько что-нибудь поесть… Мне предстоит пить, и я не хочу, чтобы меня развезло с первой же рюмки.

Наталия говорила это в прихожей, расшнуровывая ботинки, но зная, что Соня, домработница, прекрасно ее слышит.

Тот уровень жизни, при котором она имела возможность нигде не работать, держать домработницу, а также путешествовать по миру и ни в чем себе не отказывать, Наталия создала себе сама. Дар, заключавшийся в видениях, позволявших ей предугадывать преступления или имеющих хотя бы косвенное отношение к ним, она использовала, работая на богатых клиентов, которым не терпелось узнать, кто же убил (или собирается убить) жену или мужа; Наталия могла также «увидеть» предполагаемую измену или «подсмотреть», где находятся украденные или спрятанные деньги… Но так как ее видения носили характер порой абстрактных и сюрреалистичных картин, поскольку показывали лишь сотую и, быть может, несущественную часть дела, ей приходилось додумывать, а это был уже творческий процесс, требующий нервного и умственного напряжения и составляющий основу ее второй, параллельной жизни, о которой не догадывался ее друг, прокурор города Игорь Логинов. Ему и в голову не могло прийти, что Наталия, работая подчас в одной «упряжке» с ним и ведя параллельное расследование, в отличие от него получит за эту работу неплохие деньги. Как не догадывался он и о том, что тех денег, которые приносил он (то есть прокурорскую зарплату), им хватило бы разве что на еду, не больше. Не говоря уже о домработнице, каких-то покупках, да и вообще том образе жизни, который они вели и который требовал денег.

Соня, симпатичное существо со светлыми, коротко стриженными волосами и добрыми глазами, встретила ее с улыбкой:

– Уж не с тем ли мальчиком из библиотеки ты собираешься отправиться в рюмочную?

С недавнего времени они перешли на «ты», что сильно облегчило их общение. Соня вообще стала своим человеком, которому – и это Наталия уже знала наверняка – можно было доверить любую тайну. Но она удивилась, когда услышала про мальчика из библиотеки.

– Откуда ты знаешь?

– Откуда? Так ты же сама сказала вчера вечером, что встретила «очень красивого, породистого мальчика с серыми глазами и в красном джемпере, который ему так идет, что он и сам, наверное, догадывается об этом…»

– Да, точно… Соня – ты гений. Но с тобой становится опасно жить под одной крышей. Ты делаешь выводы, как профессиональный психиатр. Действительно, именно с этим мальчиком я и собираюсь отправиться поразвлечься… Но это совсем не то, что ты думаешь. Просто мы с ним сегодня пережили самый настоящий стресс… – И она рассказала Соне о том, что произошло в библиотеке.

– Какой кошмар! – запричитала та, поливая отбивную маслом и посыпая укропом. – Скоро вообще невозможно будет выходить из дома. Ты будешь чай, кофе или…

– … или компот из вишни. Я видела утром, как ты ставила его остужать на окно. Соня, иногда ты напоминаешь мне мою маму. Она, правда, далеко, поэтому я так смело об этом говорю. Но она бы только порадовалась, что у меня есть такой человек, который ухаживает за мной, заботится обо мне и понимает меня с полуслова…

– Не перехвали. Не забывай, что все это я делаю за деньги. Хотя, если они у тебя когда-нибудь кончатся, я, наверное, по инерции буду приходить к тебе, чтобы убраться и приготовить обед. Мне нравится, что ты иногда пропадаешь неделями… Тогда я ем все те вкусные вещи, что готовлю для тебя с Логиновым, сплю на мягком диване в гостиной и смотрю до полуночи телевизор… Чем не райская жизнь? И это при том, что мне же еще и платят…

Наталия рассмеялась:

– Послушать тебя, так и мне захочется оказаться на твоем месте. Но в чем-то ты, безусловно, права. Отбивная отменная… Спасибо. И компот тоже. Придет Логинов, скажешь ему, что я уехала по делам. И еще скажешь волшебное слово…

– Какое?

– Бартоломей.

– А что оно означает?

– Это фамилия матери и дочки, которых пришили в библиотеке. Странная, скажу я тебе, пара.

Забыв надеть берет, но прихватив зонт, в пальто и с сумочкой на плече, Наталия легко спустилась вниз и уже через пять минут подходила к библиотечному крыльцу, где на ступенях стоял и мок под мелким дождем Олег.

– Ну что, пойдем?

– Я уж думал, что вы не придете…

– Давай на «ты», хорошо? Если ты не забыл, меня зовут Наташей. Ну и куда ты хотел меня повести? В «Арлекино»?

– Нет. Лучше в какое-нибудь другое место.

– Хорошо. Можно пойти в «Метелицу». Название, конечно, зимнее, но там сейчас хорошо, тепло, уютно, подают виски с содовой и пиццу.

В «Метелице» было, несмотря на будний день, довольно много посетителей. В основном, как поняла Наталия, подростки, прогуливающие со своими подружками занятия в школе или университете, причем «молодняк» при деньгах и при больших, потому что одна только маленькая порция виски с содовой стоила там пять долларов, не говоря уже о дорогих сигаретах и просто-таки золотой пицце с креветками, грибами, помидорами и швейцарским сыром…

Звучала музыка Гершвина в симфоническом исполнении. Все казалось настоящим, дорогим и роскошным, начиная с виски и кончая Гершвином. И даже капельки дождя, застрявшие в белокурых волосах Олега, казались если не бриллиантовыми, то уж хрустальными – это точно. А за чисто промытым окном спешили под зонтами прохожие, спасаясь от дождя и ветра.

– Нет, все-таки виски с содовой – это ерунда… Вот джин с тоником – это вещь…

Когда Наталия поняла, что «Метелица» Олегу не по карману (а это она прочла в его переполненном паникой и смущением взгляде, который он бросил на красную глянцевую карточку меню), она сразу же решила взять инициативу в свои руки:

– Не переживай, я вчера получила гонорар за статью в газете… У меня есть деньги. Ты же мне не любовник, а просто знакомый, друг, поэтому ничего страшного в том, что заплачу за все я, не будет. Не комплексуй, Олежек. Зато отдохнем, расслабимся и поговорим…

И если первые четверть часа Олег чувствовал себя не в своей тарелке из-за того, что оказался не в состоянии угостить понравившуюся ему девушку, то чуть позже, после того как алкоголь ударил ему в голову, он расслабился и, казалось, успокоился.

– Вкусная пицца, только очень горячая… – говорил он, терзая тупым ножом аппетитную красно-желтую с зеленью пиццу. – Скажи, неужели такая шикарная девушка, как ты, ни с кем не встречается?

«Разве что поздно вечером, когда Логинов возвращается с работы и мы с ним садимся ужинать… так почти ни с кем…» – с улыбкой подумала про себя Наталия. А вслух сказала:

– Нет… Если честно, то мне просто лень. Это же надо ходить на свидания, выслушивать какие-то бредни влюбленного в тебя парня… Нет, я на это не способна.

– Но ведь ты же согласилась прийти ко мне на свидание…

– Разве это свидание? Просто мы решили с тобой немного расслабиться на пару, выпить и осмыслить создавшееся…

– Не понял…

– Все очень просто. Я пригласила… Вернее, ты пригласил меня для компании, а я согласилась, чтобы поговорить с тобой о Бартоломей. Я не такая кровожадная, как это может показаться в самом начале, но истории, подобные той, что произошла у вас в библиотеке, интригуют меня ужасно… Вот скажи, зачем убийцам понадобилось отрезать им руки? Что это – знак? Символ?

– А почему ты считаешь, что убийца был не один? – спросил с набитым ртом Олег.

– Да потому что трудно себе представить, чтобы один мужчина (надеюсь, ты не думаешь, что это все проделала женщина?) справился сразу с двумя женщинами. Вот смотри… – Она достала блокнот и быстро набросала схему расположения кабинок в туалете библиотеки. – Смотри, они заходят одновременно, это уж точно… Запираются в кабинках… Стоп. Надо вернуться в библиотеку и проверить, нет ли снаружи шпингалетов, при помощи которых можно было запереть их, чтобы по очереди удушить… Кроме того, надо бы спросить, не слышал ли кто вчера вечером шума, доносящегося из туалета…

– Там вокруг отдел книгохранения, это огромные книжные залы, и вокруг – ни одной души… Но ведь твои знакомые же всех опросили… Может, кто-то что-то и слышал. Позвони и спроси.

– Да-да, я так и сделаю… И еще. Обрати внимание: на улице холодно, мать и дочь должны были быть тепло одеты и при зонтах… А ведь они были в платьях… Я слышала, как Манджинян разговаривал с гардеробщицей, дежурившей вчера вечером внизу, в подвале, ведь именно там находится гардероб… Она сказала, что у нее не осталось ни одного пальто или плаща. А мать и дочь она вообще не помнит… Но она старая женщина, у нее может быть склероз… Хотя если бы пальто остались, то они бы так и висели на вешалке. Значит, убийца как-то отвлек гардеробщицу, вызвал ее, к примеру, к телефону, а сам быстро взял пальто и спрятал их в надежном месте… Вот только где? Они либо где-нибудь в библиотеке, либо он унес их с собой. И это уже улики.

– А может, это было ограбление?

– Исключено. Разве ты не видел на пальцах рук обеих жертв кольца с бриллиантами, обручальное кольцо и крупный перстень с рубином?

– Если честно, то я как увидел эти посиневшие пальцы, эту запекшуюся кровь… Мне стало дурно…

– Ну что ж, давай тогда еще немного выпьем, не возражаешь? А потом ты расскажешь мне немного о себе, хорошо?

После «Метелицы» взяли такси и поехали на Пролетарскую.

– Я так и не поняла, где ты живешь? – спрашивала, поднимаясь по узкой сырой лестнице и распугивая кошек, Наталия. – Неужели в общаге? Ведь это семейное общежитие… Ты что у нас, человек семейный?

– Нет… Пока нет.

– Я все поняла. – Наталия резко схватила его за руку. – У тебя есть девушка, с которой ты живешь, так?

– Так. Но ее сейчас нет дома. Она в Москве, на курсах…

– А зачем мы вообще поднимаемся к тебе?

– Чтобы выпить чаю, ты же сама просила…

– Да, верно… После этой жуткой пиццы горячий чай мне бы не помешал. В таком шикарном кафе и нет чая – просто невероятно… Но дальше я не пойду… Слишком уж мрачное место… Мне здесь не нравится. Втаких темных, сырых и пропахших кошками подъездах обычно и происходят убийства… Ты живешь в гиблом месте… А такой красивый человек, как ты, не должен жить в общаге, пусть даже и семейной… Мы сейчас поедем с тобой на мою вторую квартиру, которую я покупала Люсе… Ей уже никогда не понадобится эта квартира… А ведь я даже прикупила ей кое-что из мебели… Если бы ты знал, Олежка, как люди могут быть неблагодарны…

– Я знаю, – ответил он ей примерно таким же горестным тоном, – и поэтому их надо наказывать…

– Я целиком и полностью с тобой согласна, но, как правило, они сами себя наказывают… И это не простые слова. Так было и с Люсей, так будет и с Жестянщиком… Я, например, нисколько не удивлюсь, когда узнаю, что Валентин попал в какую-нибудь катастрофу… И не потому, что я его не люблю, а потому что предавать – это подло… Ты согласен со мной?

– Конечно… – Он даже не заметил, что вместо того, чтобы подниматься к себе на пятый этаж, он покорно, как крыса за дудочкой из старой сказки, спустился за Наталией вниз. Снова такси, снова быстрая езда по мокрому вечернему городу, исчерченному разноцветными зигзагами уличного освещения и рекламных огней, а затем новая лестница, но уже более чистая, просторная, с цветочными горшками на подоконниках лестничных пролетов, и дверь, обитая мягкой кожей абрикосового оттенка. Наталия открыла ее и впустила в квартиру Олега.

– Проходи, поживешь здесь… Только при условии, что не будешь водить сюда девиц. Для них, родимых, у тебя есть кошачье место. – Она имела в виду ту квартиру, до которой они так и не добрались. – Ты согласен?

– Да…

Он был бледнее, чем обычно.

– Проходи, только разувайся. Соня здесь на прошлой неделе мыла полы… Бедная Соня… Если хочешь, можешь даже принять душ, а я пока поставлю чайник.

Она так и сделала, а потом, пользуясь тем, что Олег в ванной, позвонила Сапрыкину:

– Сережа, ты не помнишь, там на кабинках в туалете есть шпингалеты или засовы, все, что угодно, чем можно было бы запереть жертву снаружи?

– Есть… Но они старые… Я уже тоже об этом думал. Ты, кстати, куда исчезла-то?

– Не знала, что вы обо мне спохватитесь.

– У тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

– Да, конечно. Я думаю, что если отрезают руки, то, значит, этими самыми руками эти две дамочки что-то натворили. Предположим, что они музыкантши и перешли кому-нибудь дорогу, или художницы, или в свое время кто-то из них вот этими ручками в бриллиантовых кольцах надавал пощечин какому-нибудь шизофренику, или их отец (или муж) надел в свое время кому-то на руки наручники… И оказалось, что по ошибке… И такое бывает… Вот, это пока все, что пришло мне в голову… Согласна, что не густо, но потом еще посмотрим… Дело странное до ужаса… Как в американской страшилке… Знаешь, «Байки из склепа»…

– Да, только это байки из библиотеки. Явот все думаю: неужели никто в библиотеке не слышал криков о помощи?

– Я тоже думала об этом. Все очень просто: убийца зашел вслед за женщинами в туалет… Кстати, вчера в библиотеке был буфет с кофе и бутербродами; мне сказали, что и мать, и дочь выпили довольно много кофе… Так вот, убийца зашел за ними в туалет. Предположим, что наши жертвы были в кабинках… Заперев одну из них, он ворвался во вторую (там кабинки изнутри вообще не запираются, это точно) и сразу же начал душить… Находящаяся за стенкой мать или дочь (в зависимости от того, какая из них подверглась нападению первой), скорее всего, закричала, услышав возню рядом и испугавшись, но убийца, задушив и, возможно, свернув шею первой, тут же кинулся на вторую и сделал с ней то же самое. После чего перетащил оба тела в одну кабинку или оттащил подальше в угол, куда обычно никто, кроме уборщиц, не заходит, где быстро расчленил трупы, то есть отрезал ножом кисти рук, сложил их в пакет или сумку и в пакете засунул за пазуху, с тем чтобы успеть так же быстро запихнуть оба тела в шкаф… Я видела этот шкаф, в нем раньше хранились книги, это огромный шкаф, и немудрено, что убийца присмотрел его для своих целей: два тела спрятать там ничего не стоит. Оттуда вынуты перегородки, чтобы уборщица могла ставить туда ведра и щетки. Все, Сережа, я пока не могу больше разговаривать… Я тебе перезвоню, когда узнаю что-нибудь еще.

Она поспешно положила трубку на место, потому что в комнату вошел Олег. Он был почти голым, если не считать полотенца, обмотанного вокруг бедер.

Разговор с Сапрыкиным настолько протрезвил разгулявшуюся Наталию, что она, глядя на этого в общем-то незнакомого мужчину, спросила себя, что она здесь с ним делает и зачем привела его на эту квартиру. Больше того, она, кажется, пообещала ему предоставить эту квартиру в его распоряжение. И с какой же это стати? Неужели из-за его серых глаз? Нет, с нее довольно. «Надо поскорее заканчивать эту историю, пока она не успела начаться…»

– Что у нас с чаем? – спросил Олег. Как ни странно, но он производил впечатление довольно застенчивого и закомплексованного парня. То смущение, которое он выказал в кафе, когда понял, что у него слишком мало денег, умиляло. Но она знала, что это самая первая реакция девушки на факт отсутствия денег у понравившегося молодого человека. Уже начиная со второй встречи это начинает раздражать, а потом и вовсе выводить из себя. Хотя она понимала также, что Олег еще слишком молод, чтобы быть богатым. Если родители не смогли обеспечить его приличными деньгами, то ведь он сам-то в этом не виноват. А потому надо бы отнестись к нему с пониманием. Она и сама еще не осознавала, что процесс превращения Олега в альфонса уже начался, как только она оплатила счет в кафе, привела его в свою квартиру и предложила ему здесь поселиться. «А почему бы нет?»

– С чаем все нормально. Пойдем на кухню. По-моему, чайник уже вскипел. Ты, кажется, обещал мне рассказать о себе… Ты кто?

– Никто. Закончил школу пару лет назад, – («Боже, да он совсем мальчик! Младше меня на целых пять лет!»), – поступил в университет на биологический, на дневное, но надо было зарабатывать себе на жизнь…

– У тебя что, нет родителей?

– Можно сказать, что нет… – Наталия поняла, что это его больная тема, и потому промолчала.

– Но было просто невозможно совмещать работу с учебой, я тогда работал в одной довольно престижной фирме… Но она развалилась… И я остался на улице. Директор с замом уехали за границу с деньгами, даже не выплатив нам зарплаты за три месяца… Пришлось бросить университет, съезжать с квартиры, которую я снимал, и перебираться в общежитие… Да и то, та комната, куда я тебя приглашал, не моя, а одного моего приятеля. Вот такая невеселая

история…

– А потом ты устроился в фирму, от которой и работаешь сейчас на ксероксе?

– Совершенно верно.

– А та девушка, которая сейчас в Москве, она кто тебе?

– Просто девушка. Ей тоже негде жить. Она переводчица, поехала в Москву за каким-то довольно крупным заказом на перевод книги или рукописи, я не понял даже… Она живет со мной, а за это стирает мои рубашки, готовит ужин и иногда составляет мне компанию…

– Она твоя любовница?

– Не знаю… Любовница от слова «любить», а у нас с ней что-то вроде договоренности. Мы спасаемся от одиночества…

– Она красивая? Как ее зовут?

– Зовут ее Лина. Да, она, пожалуй, красивая, но по сравнению с тобой, конечно… – Он развел руками. – Ты очень красивая, Наташа. Находясь с тобой вдвоем, начинаешь чувствовать свою материальную ущербность… Когда я там, в «Метелице», напился джина, то мне стало как-то все равно, если признаться, что ты обо мне подумаешь… Но здесь, в этой квартире, я чувствую себя дикарем, нищим… Я не имею права находиться рядом с тобой, я это понимаю… Для таких шикарных девушек, как ты, существуют супермены… Я никогда не достигну твоего уровня…

– По-моему, ты занимаешься дешевым самобичеванием. Если думаешь, что я начну тебя успокаивать и гладить по головке, то ты крупно ошибаешься. Я вообще не имею привычки жалеть мужчин. Больше того, признаюсь, что мужчина без денег (для меня, во всяком случае) – это не мужчина. Но ты очень молод, а потому у тебя все еще впереди. Я бы могла тебе найти хорошую работу, но не стану этого делать… Ты должен всего добиться сам. Это принципиально. Ну вот, а теперь мне пора идти. Чаю мы с тобой попили, пора и честь знать.

Олег, который все правильно понял, быстро допил чай и оделся.

– Скажи, ты разочарован? – спросила она, чувствуя, что в общем-то поступает с ним жестоко. – Видишь ли, спьяну я могу наговорить Бог знает что… У меня муж и двое детей… Так что встречаться с тобой я уже больше не смогу, как ты понимаешь… Разве что, когда забегу в библиотеку… А сейчас я отвезу тебя куда скажешь, вернусь домой и посплю… Что-то глаза слипаются…

Глава 3

КОГДА ЧЕРТИ МОРДУЮТ

Наталия отвезла Олега на такси на Пролетарскую и поехала в морг. Но по пути не выдержала и заехала в прокуратуру к Логинову. Она знала, что для Логинова ее визиты превращаются, как правило, если не в скандалы, то уж, во всяком случае, в длительные разборки: кто прав, кто виноват и по чьей вине дело стоит на месте. Восседая в прокурорском кресле, Логинов резко отличался от того Игоря, который по вечерам сидит на стуле в кухне. Совершенно два разных человека. Но в прокуратуре все-таки можно было оперативнее собрать информацию и получить практически все ответы на интересующие вопросы. И потому, прежде чем отправиться взглянуть еще раз на трупы, Наталия решила узнать, были ли сотрудники прокуратуры дома у Бартоломей, встречались ли с главой семьи и есть ли, помимо Светланы, в этой семье еще дети.

– Наташа, ты не вовремя… – такими вот словами встретил ее Логинов, едва она только переступила порог его огромного и комфортабельного кабинета.

– Но, по-моему, ты один… У тебя что, не найдется и пяти минут, чтобы поговорить со мной о смерти Бартоломей?

– Это очень серьезное дело, и мне бы не хотелось, чтобы ты им занималась… И еще: черт с ней, с этой «куклой», не ходи больше в библиотеку… Чувствую, это работа маньяка…

– Если хочешь знать, твои чувства меня интересуют меньше всего. Куда интереснее было бы узнать, какие чувства двигали убийцей, когда он душил этих несчастных, а потом отрезал им руки… Ведь ты-то, скорее всего, считаешь, что это просто больной человек?

– Разумеется. Какой нормальный станет вытворять такое?

– Мы же ничего не знаем об этой семье… Я и пришла, собственно, затем, чтобы ты мне рассказал что-нибудь о муже Анжелики. Сапрыкин был у них? Или Арнольд?

– Представь себе – вполне благополучная семья. Отец, оказывается, тот самый Илья Бартоломей, который руководит фирмой «Царь».

– «Царь»? Это та, что занимается продажей царицынских колбас? Это и есть ее директор? Правда, фамилию Бартоломей я слышу впервые… Ну и что Илья?…

– Илья Владимирович. Как что? Я думаю, что он до сих пор находится в состоянии шока. Представь: жена и любимая дочь! Кроме них, у него – никого…

– Он сейчас здесь?

– Уже нет, его отпустили домой. В таком состоянии с ним разговаривать бесполезно. Он плачет и говорит, что ничего не понимает.

– Знаешь, о чем я тебя давно хотела спросить? – Наталия уже взялась за ручку двери. – Почему ты здесь, в этих стенах, такой чужой и невыносимый? Неужели кресло, в котором ты сидишь, так действует на твою центральную нервную систему? Ведь ты же не такой, Игорь… Я как-то, помнится, предупреждала тебя о том, что никому не позволю разговаривать со мной в таком тоне… Ты же прекрасно знаешь, что, раз я к тебе пришла, это не из любопытства… Я работаю на вас, на вашу команду, а с вашей… вернее, с твоей стороны испытываю лишь холод и насмешки. И сколько же это будет продолжаться?

Он посмотрел на нее в упор и крепко сцепил побелевшие тонкие пальцы.

– Я не понимаю, о чем ты… Ну пришла – я тебе сказал, что и как…

– Ты? Сказал? Да я из тебя все это клещами вытягивала, да и то ничего толком не вытянула. Это бесчестно по отношению ко мне. Я не могу тебе объяснить, как устроена моя голова, которая выдает на-гора такие странные видения, в которых я и сама-то разбираюсь с трудом, но одно я знаю точно: мне нужен ряд ассоциаций, который работал бы на эту тему. А без каких-то начальных сведений мне объяснить возникающие в моем мозгу картинки довольно сложно… Я не понимаю, почему ты отфутболиваешь меня каждый раз, как только я прихожу сюда?

– Тебе все это показалось… – Логинов хотел улыбнуться и как-то смягчить гнев Наталии, но на его лице возникла лишь вымученная ухмылка, которую ну никак нельзя было назвать улыбкой.

– Знаешь что? – вдруг приняла решение Наталия. – Я объявляю тебе бойкот. Мне надоело, что у тебя по сто раз на день меняется настроение. Если тебе так неприятно видеть меня здесь, в прокуратуре, то и мне тоже противно видеть тебя в своем доме… Ты все понял? Мне надоело! – И она с силой захлопнула за собой дверь.

У Романова заметно покраснел нос. Все-таки ежедневные возлияния давали о себе знать. Но в целом он выглядел бодрым и даже веселым, что никак не соответствовало тому месту, в котором он работал. Создавалось впечатление, что Василий Романов не только работает в морге, но и живет там. Семейные неприятности, похоже, сделали из него философа. Он мог теперь часами рассуждать о вреде комфорта и излишеств, противопоставляя всему этому тот аскетический образ жизни, который он вел (а если точнее, то ему просто приходилось вести) в холодных стенах городского морга, рядом со своими немыми «клиентами». Но от философии до алкоголизма подчас рукой подать… Поэтому-то Наталия стала теперь приходить без водки, решив, что этими подношениями лишь губит эксперта-патологоанатома.

– Ты снова принесла мне копченую курицу? – спросил он, усмехаясь и пропуская ее в свое «благоухающее» царство.

– Нет, на этот раз я принесла тебе сыр и ветчину. Тебе необходимо лучше питаться, а то ты свалишься от усталости на один из этих нержавеющих столов.

Наталия по-хозяйски прошла в дальнюю комнату, где стояли стол, два стула и маленький диванчик, – место отдыха и сна Романова, и начала доставать из сумки свертки и пакеты с продуктами.

– Да, я же должна была перед тобой извиниться… Я насчет Люси…

– Не бери в голову.

– Понимаешь, она – Романова, ты – Романов, но у меня и в мыслях не было, что вы троюродные брат и сестра. Мне очень жаль, что я своим рассказом о ней только растравила твои раны…

– Да чего уж там… С кем не бывает… Но я не понимаю, зачем ты приносишь мне еду? Если тебя интересуют трупы, я расскажу тебе все и на голодный желудок. Мы же свои люди, в конце-то концов! А то мне становится как-то неудобно…

– Брось. Мы ведь должны помогать друг другу.

– Но продукты, и в таком количестве… Утебя что, денег много?

– Не будем говорить о деньгах. Я пришла к тебе, чтобы расспросить о матери и дочери, которых убили вчера в библиотеке. Бартоломей.

– Хорошо, пойдем, я их тебе покажу.

– У тебя еще не готовы результаты экспертизы?

– Вообще-то нет, но предварительную информацию я, пожалуй, смогу тебе дать. Значит, так… – Они вошли в просторный холодный зал, где на столах лежали вскрытые тела Анжелики и Светланы. – Очень интересные экземпляры. Дочь похожа на мать, но, в отличие от нее, девственница. А это в наше время, сама понимаешь, редкость. Но девственность у нее, скажу я тебе, искусственная.

– Как это?

– А вот так. Эта девочка пожила в свое удовольствие под прикрытием мамочки, а потом, когда наступила пора выходить замуж…

– Это в семнадцать-то лет?!

– Ну и что?… Ей совсем недавно сделали операцию по восстановлению девственной плевы. Сейчас это встречается сплошь и рядом. Эта девочка прошла огонь и воду. Уверен, у нее было очень много мужчин, на это указывает состояние ее тела. Я уж не буду углубляться в подробности, но это факт… Для нее не было ничего невозможного…

Наталия покраснела.

– Она умерла, потому что ее удушили? Или же ее изнасиловали?

– Нет, никто ее не насиловал. Скорее всего, ее вообще невозможно было изнасиловать. Эта особа жила активной половой жизнью, пока ее, грубо говоря, не зашили. Но после этого она продолжала встречаться с кем-то, кто пользовался ее благосклонностью… И навряд ли это был ее жених. Перед женихом (а я уверен, что он существует) она разыгрывала из себя полную невинность. Похоже, брак ожидался выгодный для обеих сторон…

– Послушай, Василий, а не слишком ли это глубокий анализ для патологоанатома?

– Думаю, что нет. Да, ее удушили, а потом отрезали кисти обеих рук. Причем действовали острым ножом и довольно грубо, неумело…

– Я вот все думаю… Как так получилось, что в вечер убийства уборщица не заглянула в этот шкаф? Надо будет узнать, кто должен был в тот вечер убираться. Извини, это я так, в плане рассуждений…

– Да ничего… Но ты не забывай, что многие уборщицы приходят на работу ранним утром, а не вечером.

– Действительно…

– При случае выясни, не страдала ли эта девица болезнью почек.

– И это ты у меня спрашиваешь? А разве ты не можешь определить, страдала или нет?

– Не в этом дело. Почки у нее в порядке. Но в крови и моче я нашел большое количество мочегонного препарата. Впрочем, и у ее матери тоже. Понимаешь, все без исключения люди склонны к самолечению, вот я и подумал, что они обе, и мать и дочь, могли наглотаться этой дряни, которую рекламируют всюду, чтобы якобы очистить организм… Вобщем, тебе решать: узнавать или нет…

– Подожди, я все поняла. Убийца подмешал в кофе этот препарат. Как он называется? – Она достала блокнот и под диктовку Василия написала: «уринофлор». – Спасибо. Это уже кое-что. А что они вообще ели в тот день?

– Ты не поверишь, но… селедку. Видишь, как все просто? Дома они поели селедки, напились кофе и пошли в библиотеку. Так?

– Нет, не так… Кофе они пили в библиотеке. Там вчера днем работал буфет, что-то вроде филиала от близлежащего кафе, с бутербродами, булочками… Вообще-то довольно удобная вещь, особенно когда приходится подолгу корпеть над книгами, а живешь ты у черта на рогах и не имеешь возможности съездить домой пообедать.

– Ты хочешь сказать, что убийца находился где-то поблизости от буфета и сунул в стаканы с кофе эти быстрорастворимые таблетки уринофлора?

– Не обязательно. Эти таблетки он мог сыпануть и в термос, потому что кофе привозят в большом термосе.

– Стало быть, у него была возможность сделать это еще в кафе. Как я тебе? – важно заметил Василий и тряхнул своими желтыми редкими волосами. – Чем не следователь?

– Да, больше того, убийца мог вообще проникнуть к ним в дом и накормить их до отвала селедкой. Хорошо, что там с Анжеликой?

– Ей немногим за сорок. Видно, что эта женщина в молодости испытала много тяжелого, поскольку организм надорван… Но в последнее время она вплотную

занималась своим здоровьем, бросила курить, хотя раньше курила много. Хочешь, покажу тебе ее легкие?

– Нет уж, уволь.

– Кроме того, она сделала себе буквально с полгода назад пластическую операцию. Подойди, я тебе покажу шрамы за ушами… Видишь?

Наталия смотрела на лежащую перед ней довольно худенькую рыжеволосую женщину с блестящим посеревшим лицом и почерневшими плотно сжатыми веками.

– А почему у нее блестит лицо?

– Потому что она пользовалась специальным кремом для поддержания влажности и упругости кожи. А вот еще… обрати внимание на ее брови. Видишь, они четко выделяются? Это своеобразная косметическая татуировка, которую делают в нашей «Кристине»…

– А ты-то откуда знаешь?

– У меня есть знакомая девушка, которая месяц назад сделала себе этот татуаж. А что, довольно умно придумали.

– Я не перестаю удивляться тебе, Василий… Ты необыкновенный человек. Спасибо тебе. А могу я посмотреть на их одежду? Она у тебя?

– Пока – да. Но сегодня увезут, чтобы отдать мужу.

– Можно я взгляну?

– О чем речь?! Пойдем. Но только там все в крови…

В помещении, напоминавшем склад, где стояли старые покосившиеся металлические столы, колченогие стулья, какие-то жестяные ведра и большой стеллаж со старыми газетами и прочим хламом, лежал большой полиэтиленовый пакет.

– Вот, можешь все вытряхнуть на пол и просмотреть.

– А у тебя не найдется лишняя пара резиновых перчаток? Свои я забыла дома.

– Найдется, причем новая.

Надев тонкие резиновые перчатки, она принялась ворошить вещи Анжелики и Светланы Бартоломей. Костюм из буклированной серой шерсти явно принадлежал Анжелике Валерьевне. От него до сих пор исходил тонкий аромат духов. Правда, смешанный с запахом крови. В кармашке жакета она нашла тюбик с губной помадой розового цвета и несколько заполненных листочков с шифрами и названиями книг. Очевидно, тех, которых не оказалось на месте, но которые она хотела бы взять почитать. Наталия спрятала листочки в сумку в надежде, что сравнит названия этих книг со списком литературы, изъятым следователем вместе с формуляром. Вся, абсолютно вся одежда была пропитана кровью.

– Ну что, ничего не нашла? – спросил Романов, появляясь в дверях со сложным бутербродом, именуемым «волна»: хлеб, сверху ветчина и сыр.

Наталию чуть не стошнило.

– Василий, как ты можешь здесь есть?

– Запросто. Ну так что, спрашиваю, откопала что-нибудь новенькое?

– Ничего, кроме помады. Все вещи куплены в фирменных магазинах, я даже знаю где. У нас не такой большой город, поэтому несложно вычислить. Если ты не возражаешь, я тебе еще позвоню, хорошо? Да, чуть не забыла, ты случайно не знаешь, кто из наших известных врачей-гинекологов производит операции, наподобие той, что сделали Светлане Бартоломей?

– Я могу только догадываться. Но у меня есть приятель, который знает о таких вещах не понаслышке. Я поговорю с ним.

– Спасибо.

– Это тебе спасибо. Если бы не ты, я помер бы с голоду или, того хуже, принялся бы за мертвечину… – И он захохотал, давясь бутербродом.

Наталия почти выбежала из морга. Обстановка действовала угнетающе. Мысль о том, что Романов, искромсав тело девушки, умудрился определить, что она перенесла гинекологическую операцию, и сделать отсюда далеко идущие выводы, пугала: неужели и после смерти люди уязвимы в плане сохранения тайн? Пусть даже эта Светлана, по словам Романова, и вела беспутную жизнь, развратничала напропалую, но ведь окружающие (в частности, работники библиотеки) знали ее совершенно с другой стороны… А может, это просто фантазии Василия? «Ничего, время покажет. Главное, найти этого гинеколога. Если мне не изменяет память, подобные операции уже давно стали делать легально. Плати деньги – и устраивай свою личную жизнь».

На улице было темно, сыро и противно. «И это называется весна? Да в гробу я видела такую весну…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dubchak_anna/smertel-nyy-poceluy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить